Яркие и чистые

В конце декабря вся театральная Москва говорила о «Мойщике окон» Пины Бауш. Одни обсуждали непривычное название, другим не хватало хореографии, кому-то показалось слишком затянуто, кому-то, наоборот, два с половиной часа показались считаными минутами... И еще были те, кто пытался проводить параллели с российским contemporary dance, искать общее между Вупперталем и Гонконгом, между прежней Пиной Бауш, которая 10 лет тому назад привезла в Москву «Гвоздики», «Кафе «Мюллер» и «Контактхофф», и нынешней, показавшей в рамках Года Германии в России восточную оду «Мойщик окон». Вывод напрашивался один: Пина непредсказуема.

Елена Соломинская

Будто фантастический пазл, под тихие переливы восточных мелодий и бурные захватывающие ритмы португальского фаду складывались на сцене Театра им. Моссовета удивительные картинки: алая гора лепестков роз и бледные девушки в шелковых платьях, танцовщики, с грациозностью восточных птиц исполняющие каскады движений, и суровые дамы, прогуливающиеся на высоченных каблуках лакированных лодочек в стиле 70-х годов. BMW из папье-маше и танцоры на велосипедах. Но Пина Бауш никогда не создала бы свой театр, если бы эти картинки не обретали цельность, в основе которой — сила ее воображения, подчас детского восприятия мира. Упрек, который бросали ее первым постановкам, когда в 1973 году она создала в Вуппертале свой «Театр танца», можно услышать и сегодня: «Слишком мало танца». Но у Пины Бауш вовсе не в танце дело... Танец, не теряясь в общей концепции спектакля, составляет один из элементов общего витража действа. На протяжении всего спектакля меня не покидало ощущение, что все эти мелкие шаги, движения, позы, туры и переходы — дело чистой импровизации, с такой легкостью они исполнялись. Столь непохожие друг на друга визуально и в классическом отечественном балетном понимании на танцовщиков в целом, актеры театра Пины Бауш каждый свой день начинают с классического тренинга. Хотя небезынтересно и то, что, получив должность руководителя театра, Бауш сразу отменила классический «Щелкунчик». За двадцать лет существования ее театра в Вуппертале Пина Бауш вырастила не только несколько поколений танцовщиков современного танца, но и практически создала новый тип зрителя как в Германии, так и за ее пределами.

О Пине Бауш часто говорят как о феминистке, ворвавшейся в мир, где царит мужское направление хореографии. «Действительно, — замечает она, — большинство хореографов в Европе — мужчины. И всему, что я сегодня умею, я научилась у мужчин». Оказывается, вот так... Ее учителя — праотцы немецкого Ausdruckstanz — хореографы Курт Йоосс и Рудольф фон Лабан. Пина Бауш была прилежной ученицей эссенской балетной школы «Фолькванг», мечтавшей о танце, которой удалось стать хореографом, но так и не удалось станцевать желаемые роли. «Может, судьба подарит мне еще этот шанс», — мечтательно признается Бауш. Она говорит тихо, почти отрешенно. Ее спектакли — это периоды ее жизни, ее переживания, перемены мест и ощущений. Динамика темпа и яркость впечатлений соседствуют в них с тишиной созерцательности и особой медитативной рефлексией пространства и времени. У Бауш не бывает сценариев, есть идеи, контакты, встречи, люди, диалоги и фразы. И конечное полотно танца подобно золотошвейной работе — из тысячи узоров, обрывков фраз или лепестков роз, парящих над весенним Гонконгом. И есть, конечно, танцовщики ее труппы — ее соавторы, которые, как, например, Доминик Мерси, многие годы составляют костяк команды. Остальное — тайна техники и техника тайны. Может, поэтому каждый из зрителей находит в этих спектаклях, прежде всего, не путевые заметки о Гонконге или Риме и даже не Рим или Гонконг в стиле Пины Бауш, а частичку себя — свою радость, свою любовь или ностальгию по прошлому. И таким трогательным становится диалог артистов со зрителями, когда они показывают свои старые детские фотографии, приглашая в мир ассоциаций и воспоминаний. Балетное действо периодически «взрывают» вопросы (на русском!): «Вы хотите чай или кофе? А вы? Какао, воду или шампанское?»

Бауш показала, что танцевать можно сидя, лежа и даже вовсе не шевелясь — ладонями рук, бровями или одним движением глаз... Невозможно танцевать и жить без радости, без любви, которая всегда чуть-чуть наивная, трогательная, но при всей яркости красок не сентиментальная. И долгим эхом памяти о встрече с миром любви Пины Бауш остаются слова: «Я хотела бы быть снегом в середине августа... И медленно таять по кромке...».

МИХАИЛ ГУТЕРМАН